

**РАДИКАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ 60-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ ДВИЖЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА)**

DOI: 10.25629/НС.2021.02.05

Чистяков С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию радикализации сознания учащейся молодежи Российской империи 60-х – первой половине 70-х годов XIX века на примере становления мировоззрения участников революционно-народнического движения. В статье анализируется формирование леворадикального мировоззрения части русской молодежи, которая впоследствии примет участие в движении революционного народничества, выделяются социально-исторические и идейно-философские факторы, обусловившие радикализацию ее мировоззрения, а также проводится анализ роли этих факторов в данном процессе.

Ключевые слова: радикализация сознания, революционное народничество, народники, учащаяся молодежь, социализм, нигилизм, Чернышевский, Писарев, Лавров, Бакунин, Александр II, крестьянская реформа, пореформенная Россия.

Введение

Крестьянская реформа 1861 года стала рубежом между двумя эпохами. Освобождение крестьян, Великие реформы, а также целый ряд преобразований в самых разных сферах жизни общества, проведенных правительством императора Александром II, навсегда изменили облик страны. Значительным явлением эпохи пореформенной России стал рост социально-экономических противоречий в стране, одним из последствий которого стало зарождение и развитие в начале 70-х годов XIX века движения революционного народничества, предложившего радикальный вариант разрешения этих противоречий. Характерной чертой данного движения было явное преобладание представителей молодежи среди представителей народничества, становление личности которых пришлось на 60-е – первую половину 70-х годов. Большая часть этой молодежи на момент присоединения к движению обучалась в гимназиях и университетах [15, с. 41–42] и, казалось бы, еще недавно и не помышляла начать бескомпромиссную борьбу против государства и общества. Задачи исследования состоят в том, чтобы ответить на следующие вопросы. Почему все-таки еще недавние гимназисты и студенты решили отречься от всей своей будущности и посвятить себя революционной деятельности? Какие факторы исторической реальности пореформенной России оказали влияние на радикализацию сознания будущих революционеров? Восприятие каких именно философских, научных, политических идей этой частью молодежи обусловило выработку ее представителями леворадикального сознания? И какова была роль каждого из этих факторов в этом процессе, а также восприятие этих факторов самими народниками?

Краткий обзор историографии и источников

Процесс радикализации сознания той части русской учащейся молодежи, которая впоследствии примет участие в народническом движении, еще не становился предметом отдельного рассмотрения историков. Определенные аспекты вопросов, поднимаемых в нашем исследовании, становились предметом изучения в трудах дореволюционных, советских и современных отечественных, а также некоторых зарубежных историков, как в работах обобщающего характера, так и в исследованиях узких тем, в контексте изучения народничества [6; 17; 18; 20; 22; 39; 43; 49; 50; 55; 56; 57; 58].

Основной группой источников для нашего исследования стали мемуары участников народнического движения. В общей сложности нами была взята выборка из воспоминаний 60 участников движения. Исследование степени влияния различных факторов на радикализацию сознания народнической молодежи осуществляется как непосредственным рассмотрением нарративной информации из мемуаров, так и посредством контент-анализа, позволяющего получить более точную картину степени влияния тех или иных факторов на радикализацию сознания указанной группы молодежи. Сорок четыре автобиографии были взяты из энциклопедического словаря «Гранат», раздела «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70-х – 80-х гг.», еще шестнадцать – отдельно опубликованные мемуары. Рядом авторов опубликованы как автобиографии в «Гранате», так и отдельные воспоминания, в этом случае нами параллельно исследовались оба варианта.

Социально-исторические факторы формирования леворадикальных настроений в среде учащейся молодежи России 60-х – первой половины 70-х годов XIX в.

Деятели революционно-народнического движения являлись выходцами из разных слоев общества. Преобладали представители дворянства, духовного сословия и мещанства [15, с. 39]. Все это предполагает наличие у каждого деятеля революционного движения разных условий воспитания, обуславливая различное восприятие окружающей действительности. Однако изучение народнических мемуаров позволяет прийти к выводу о существовании целого ряда явлений, к которым у большей части будущих революционеров было достаточно схожее отношение. Определенный способ восприятия этих явлений во многом и обусловил постепенную радикализацию сознания той части учащейся молодежи, которая затем пошла в революцию.

Одним из ключевых событий истории России 60-х годов XIX века стала крестьянская реформа 1861 года. Коренным образом изменилась социальная реальность в стране. Был дан мощный толчок процессам развития капитализма и промышленного производства, росту численности и значения пролетариата и буржуазии в социально-экономической жизни [32, с. 446]. В то же самое время реформа нанесла значительный ущерб основным сословиям российского общества – прежде всего дворянству и крестьянству. Это выражалось как в разорении значительной части дворянства, так и в обнищании большинства крестьян [14, с. 233–239]. Реформа запустила процессы разрушения крестьянской поземельной общины, имущественного расслоения крестьянства и массового оттока крестьянского населения из деревень в города, т.н. отходничества. Результатом стал рост социальной напряженности, выливавшейся в спорадические крестьянские восстания [14, с. 99].

Свидетелями подобных социальных перемен стали будущие народники. Их мемуары свидетельствуют о сочувствии еще в детстве к непростому положению крестьян, о чем упоминает 41,6% авторов. Участники самых разных народнических кружков в своих биографиях отмечали этот момент. Например, В.Н. Фигнер рассказывала о своих детских воспоминаниях: «Окружающая крестьянская беднота, хотя я видела ее, можно сказать, издалека, не могла остаться незамеченной. Контраст с моим собственным положением... наводил меня на мысль о служении обществу, возбуждал желание быть полезной» [1, с. 245]. Вторил ей и киевский народник Л.Г. Дейч: «Бедность крестьян, каторжный труд их, полное бесправие и беззащитность... произвели на меня удручающее впечатление» [1, с. 67]. Многие авторы воспоминаний ощущали эмоциональную связь, солидарность с крестьянством. С.П. Богданов одним из главных воспоминаний своей юности называет общение с крестьянами, которые «дали мне больше, чем я мог им дать» [1, с. 27]. В.К. Дебагорий-Мокриевич, рассказывая о жизни в селе, упоминал: «Демократическое настроение все более и более овладевало мною. Я научился уважать мужичий труд, потому что на себе испытал тяжесть этого труда» [1, с. 58]. Многие будущие революционеры уже в детстве воспринимали крестьян как равных, а крепостное право и сословное деление общества отвергали. Н.А. Морозов вспоминал: «...умственное развитие заключается вовсе не в дипломах, а в одной наличности развития... зачем же употреблять бессмысленные названия: дворяне, духовенство, крестьяне, рабочие, мещане?» [27, с. 64].

Подобные установки в сознании народников подкреплялись и крестьянскими восстаниями. Непосредственно авторов воспоминаний, бывших свидетелями крестьянских бунтов, было немного – около 13%, однако эти события врезались им в память на всю оставшуюся жизнь. По словам В.К. Дебагория-Мокриевича, моменты жестокой расправы царских войск над участниками восстания в Подольской губернии из села Багриновцы «до сих пор не могут быть забыты и глубоко волнуют» [1, с. 58]. Народник-анархист М.П. Сажин в числе прочего также называет «освобождение крестьян, их волнения и бунты» [1, с. 209] одной из основных причин формирования в нем радикальных взглядов. М.Р. Попов утверждает, что уже одни услышанные в детстве рассказы о расправе над восставшими крестьянами недалеко от места, где он родился, побудили его «относиться с искренней симпатией к движению 70-х годов во имя народа» [31, с. 54].

Авторы 13% воспоминаний утверждают, что еще до знакомства с революционно-демократической литературой 60-х годов им был в достаточной степени ясен противоречивый характер реформы 1861 года. Так, Н.Ф. Цвилленев «не мог без сожаления смотреть на “дворовых” людей, которые должны были без всякого земельного надела уходить не все четыре стороны из усадьбы...» [1, с. 272]. П.А. Кропоткин уже тогда понимал весьма спорный характер крестьянской реформы: «Трудно было придумать состояние более неопределенное, чем то, которое вводило “Положение”. Хуже всего было дворовым. Они не получили надела, да и вряд ли знали бы, что делать с ним, если бы получили» [21, с. 157–159]. Уже тогда юный Д.А. Клеменц понимал, что реформа «обезземеливала крестьян и отдавала их в полную экономическую зависимость от соседних землевладельцев» [19, с. 78]. Все это уже тогда заставляло задумываться будущих народников о реальности, в которой они живут.

Следует отметить, что некоторые будущие участники народнического движения были еще слишком малы во время освобождения крестьян, чтобы полноценно осмыслить подобное историческое событие или же не застали его вовсе. Например, С.В. Ястремский вспоминал, что крепостное право в его детстве «казалось чем-то далеким, отошедшим вглубь истории» [1, с. 272]. Похожие воспоминания приводит и В.И. Засулич: «Не сочувствие к страданиям народа толкало меня в “стан погибающих”. Никаких ужасов крепостного права я не видала... ни о каких ужасах крепостного права в Бяколове я не слыхала». Сама она давала одно из типичных объяснений подобному явлению: «С деревней, впрочем, господский дом не имел никаких сношений, кроме праздничных, так сказать» [16, с. 16]. И несмотря на то, что наблюдение за тяжелым положением крестьянства еще в детские годы стало определено одним из самых значимых факторов радикализации мировоззрения части молодежи, далеко не все будущие народники пришли в стан революции именно этим путем.

Одним из самых значительных факторов радикализации молодежи, стало обучение в гимназиях и университетах, обстановка в которых, обусловленная охранительной политикой самодержавия, судя по воспоминаниям более 60% авторов, резко усиливала протестные настроения в ее среде. Это выражалось в нескольких явлениях, объединенных нами в одну группу.

Большинство будущих народников прошли курс обучения в прогимназиях, гимназиях или народных училищах. Политика правительства Александра II в сфере среднего образования отличалась противоречивостью. Новый гимназический устав 1864 года был достаточно радикальной реформой среднего образования. Революционным, по сравнению с предыдущей эпохой, стало разделение гимназий на классические (с упором на преподавание языков) и реальные (где в основе учебной программы лежали естественнонаучные дисциплины) [33]. Значительно выросло число обучающихся в гимназиях [35, с. 35]. Впервые в истории России, согласно «Положению о женских училищах», в 1858 году появляется женское среднее образование [33]. Однако выпускники реальных гимназий не имели права поступления в университет, в отличие от классических, и могли поступать лишь в политехнические институты, система которых на тот момент в России лишь зарождалась. В связи с этим популярность реальных гимназий была значительно ниже [35, с. 37]. Постепенно политика правительства в отношении системы среднего образования стала ужесточаться с целью предупреждения распространения радикальных идей в среде молодежи, кульминацией чего стала образовательная реформа, проведенная министром народного просвещения Д.А. Толстым в сотрудничестве с профессором

и литературным критиком М.Н. Катковым в 1871 году [20]. Согласно уставу 1871 года реальные гимназии были ликвидированы и были заменены реальными училищами с сильно сокращенной программой. В классических же гимназиях было увеличено количество часов математики и древних языков, а преподавание естественных наук и истории было полностью отменено – согласно концепции М.Н. Каткова, считавшего подобную практику лучшим средством воспитания ума и политической благонадежности учащихся. [38, с. 682–684].

Как показывают нам воспоминания народников, обучавшихся в гимназиях, многие из них резко отрицательно относились к такой системе обучения и считали, что подобная схоластика лишь усиливала протестные настроения среди учащейся молодежи. В.И. Чуйко вспоминал: «Свои гимназические годы я не могу помянуть добром. Это был расцвет толстовского классицизма». Он противопоставляет учителя словесности Шаврова, который «говорил о значении Белинского и Добролюбова», прочим учителям – «чиновникам в фулярах», подытоживая: «...вся гимназическая система как раз достигала противоположных результатов» [1, с. 317]. Ему же вторит и «лаврост» Н.Г. Кулябко-Корецкий, считавший «насильственное внедрение официальной обрядности в гимназии» главной причиной становления у него антиклерикальных взглядов, способствовавших радикализации его мировоззрения [23, с. 21]. Схожие мысли высказывает и П.Б. Аксельрод, противопоставляя «странного» учителя истории Н.И. Хлебникова всей остальной системе преподавания, проникнутой «духом мертвой рутины и чиновничьего формализма» [2, с. 36–37]. Н.К. Бух, вспоминая «удушливую атмосферу» своей гимназии, воспринимал педагогов как часть «мертвящей силы правительства», с которой боролась «сила молодой России» за «благо и счастье нашей родины... и всего человечества» [1, с. 37]. Е.М. Сидоренко вспоминал «протест» воспитанников Симферопольской гимназии, в которой царствовал «полный разгул классицизма». Выразился этот «протест» в избении ими директора гимназии [1, с. 223]. Подобные воспоминания в целом подтверждают слова Чуйко о том, что реформы Каткова и Толстого иногда достигали противоположных своим целям результатов. Следует отметить, что некоторые авторы тепло вспоминают годы обучения в гимназии, особенно девушки, обучавшиеся в женских училищах, например, О.К. Буланова-Трубникова, с восторгом отмечавшая свободную атмосферу в частной гимназии, или же А.В. Якимова, столь же позитивно оценивавшая обучение в женской гимназии Вятки [1, с. 29, 324–226].

В воспоминаниях народников встречается много упоминаний о том, что обстановка и в высших учебных заведениях способствовала радикализации их мировоззрения. Вектор государственной политики по отношению к университетам в эпоху Александра II также был достаточно противоречив. Либеральные преобразования эпохи, включая университетский устав 1863 года, вернувший университетскую автономию и выборность ректора и профессоров, разрешивший создавать ученые общества [45], а также обеспечивший доступ вольнослушателей, учреждение высших женских курсов сочетались с реакционными мерами, в частности, с усилившимся полицейским надзором за студентами после принятия в 1867 году соответствующих «Правил» [29, с. 24], а также с запретом создания некоторых видов студенческих корпораций [42, с. 152], которые были разрешены лишь в немногих высших учебных заведениях [53, с. 285], что провоцировало студентов создавать их нелегальные или полунелегальные аналоги. Впоследствии было значительно сокращено число вольнослушателей в университетах и запрещены все собрания студентов [29, с. 24], что усилило протестные настроения студенческой молодежи, выразившиеся в студенческих волнениях 1869, 1874 и 1878 годов.

Подобные моменты находят свое отражение в воспоминаниях некоторых будущих революционеров, учившихся в университетах. Например, будущий анархист В.К. Дебагорий-Мокриевич, вспоминая свои университетские годы, рассказывает об активности студентов Киевского университета. По его словам, студенческая кухмистерская «заняла центральное положение среди других студенческих учреждений; в кухмистерской собирались для обсуждений по всем интересовавшим студенчество вопросам». Большая часть студентов, по его словам, «были бедны и едва-едва перебивались», что обуславливало их склонность, как он считал, к левому радикализму [10, с. 57; 11, с. 4]. Студент Харьковского и Петербургского университе-

тов «чайковец» Л.Б. Гольденберг рассказывал о членстве в студенческих кружках, занимавшихся не столько наукой, сколько изучением социалистической литературы [9, с. 99]. Студенческие корпоративные объединения – в частности, кухмистерские и столовые – также, по его словам, влияли на радикализацию студенчества: «Во время обедов обсуждались всякие общественные вопросы – студенческие нужды, полицейские преследования. Стали говорить о необходимости создания собственных библиотек и обществ взаимопомощи... здесь заключались знакомства и раздавались приглашения на тайные собрания. Все учреждение стало на республиканские рельсы...» [9, с. 100–101]. На подобных собраниях, как он вспоминал, произносились речи о «необходимости большей свободы для студентов, права собраний, права иметь собственные библиотеки, права устройства кассы взаимопомощи без полицейского контроля», также студенты обсуждали новости «об арестах, высылках, о дурном обращении со стороны полиции и сыщиков» [9, с. 103].

С.Л. Чудновский в своих воспоминаниях приводит достаточно подробный рассказ о «брожении» студенчества в Медико-хирургической академии, описывая реакцию студенчества на усиленный полицейский надзор и попытки начальника инспекции ввести почти казарменную дисциплину в учебном заведении [53, с. 283, 286]. Студенты этого ожидаемо не оценили: «с октября 1868 года началось сильное брожение в среде петербургского студенчества», начавшего организовывать кружки и сходки, «на которых на первых порах обсуждались чисто студенческие дела, а затем и вопросы более широкого и глубокого общественного значения» [53, с. 283]. Рассказывая о разделении студенческого движения на два лагеря – «умеренных» и «радикальных», – Чудновский упоминает, что именно на «радикальных» сходках он впервые сталкивается с «популярным и почти всеобщим лозунгом “В народ!”» и с «агитацией в пользу обязательности работы в народе и с народом» [53, с. 284]. Кульминацией брожения студенчества в Петербурге стали волнения в академии в марте 1869 года, перекинувшиеся затем на Петербургский университет и Технологический институт, для чего формальным поводом стали отчисления двух «неблагонадежных» студентов [53, с. 286–287].

Таким образом, на основе изучения выбранных воспоминаний мы пришли к следующему выводу. Одним из самых значительных факторов радикализации молодежи в учебных заведениях стала реакционная политика царского правительства в области образования, выраженная в педагогических экспериментах Д.А. Толстого и М.Н. Каткова, а также в ущемлении прав студентов и жестком полицейском надзоре над ними, что и иллюстрируют приведенные выше отрывки из воспоминаний.

На радикализацию мировоззрения будущих революционеров влияли и другие факторы окружающей их исторической реальности. В воспоминаниях часто упоминается о формировании критического отношения к реальности у их авторов под влиянием целого ряда современных им важных исторических событий, российских и зарубежных, о чем упоминают в общей сложности 40% авторов.

Прежде всего следует выделить события франко-прусской войны 1870–1871 гг. и в особенности Парижской коммуны, фактически первого случая прихода радикальных социалистов к власти в мировой истории, что широко освещалось в главных отечественных газетах того времени – «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» [18, с. 14–20].

В мемуарах часто упоминается о том, что события Парижской коммуны взволновали их авторов. Например, О.В. Аптекман называл услышанные известия о Коммуне в списке того, что «глубоко запечатлелось в моей душе, было решительным сдвигом в моем развитии», итогом чего стало «почти непреодолимое тяготение к трудовым массам» [1, с. 17]. П.С. Ивановская вспоминала: «В этот же период, уже в последнем классе, нас сильно захватила Парижская коммуна, ее борьба и крушение» [1, с. 91]. Зачастую авторы мемуаров называют события Коммуны одним из тех событий, что наиболее волновали радикально настроенную молодежь в те дни. Так, Н.А. Чарушин ставит в один ряд нечаевский процесс и «Парижскую коммуны с ее трагическим концом, волновавшую едва ли еще не больше. Публика жила и волновалась, накапливая горячий материал» [1, с. 286].

Еще одним событием, повлиявшим на мировоззрение некоторых будущих народников, в основном проживавших в детстве в западных губерниях, стало подавление польского восстания в 1863 году. Сильное впечатление данное событие оказало, например, на Г.Ф. Чернявскую-Бохановскую, увидевшую сцену публичного суда над восставшими. Будучи десятилетней девочкой, она долго гадала о значении слова «каторга», а также с самого начала прониклась сочувствием к осужденным мятежникам [1, с. 304]. В.К. Дебагорий-Мокриевич в детстве сочувствовал повстанцам даже несмотря на неприязненное отношение окружающих его поляков к русским, так как «слишком уж противна была сторона, воевавшая с ними, – полиция и господа военные» [1, с. 58]. П.А. Кропоткин называл себя одним из тех, кто сочувствовал «польскому делу», рассказывая о поддержке поляков студенчеством, а также резком усилении реакции после подавления восстания, что ему было совершенно противно [21, с. 56]. Рассказы о польском восстании Л.Г. Дейч также включал в список того, что «оставило в моей душе и памяти ряд незабываемых впечатлений и вопросов» [1, с. 67].

Небольшая часть авторов также отмечала влияние поражения России в Крымской войне 1853–1855 гг. Так, для П.А. Кропоткина и его семьи это было настоящим шоком, «мы все плакали», вспоминает он [21, с. 98]. Н.К. Михайловский и С.М. Кравчинский были солидарны между собой в значении влияния поражения России в Крымской войне, Кравчинский считал, что последнее «обнаружило самым безжалостным образом гнилость всего русского общественного строя». Михайловский утверждал: «вся наша хваленая мощь оказалась жалкой фикцией», следовательно, «подверглась критике идеализация нашего общественного строя и вообще в целом, и в подробностях» [26, с. 34; 41, с. 375]. Аналогичную же оценку давал Д.А. Клеменц [19, с. 74].

Таким образом, можно сделать вывод, что подобного рода исторические события, с одной стороны, снижали авторитет царского правительства в глазах некоторых будущих народников, а также пробуждали интерес к социализму и революционному радикализму – с другой.

Влияние на радикализацию сознания молодежи оказывали, пусть и косвенно, антигосударственные выступления прошлого, а именно: декабристское движение и деятельность радикалов 60-х годов, в частности, покушение Д.В. Каракозова на жизнь Александра II и деятельность группы «Народная расправа» С.Г. Нечаева наряду с последовавшим судебным процессом над «нечаевцами».

Упоминают о декабристах около 13% авторов мемуаров, отмечая, что услышанные ими истории о декабристах либо же личное общение с дожившими до тех лет участниками движения оказали на них сильное впечатление. Так, радикальные взгляды О.К. Булановой-Трубниковой начали формироваться еще в детстве, в том числе и под влиянием матери – дочери декабриста, которая «о декабристах... всегда говорила со слезами на глазах и проклинала их мучителя – царя Николая, которого мы, дети, привыкли ненавидеть чуть ли не с пеленок» [1, с. 29]. Е.Н. Ковальская вспоминает князя Волконского, рассказавшего ей о декабристах как о «хороших людях, которые хотели устроить так, чтобы никто не мог продавать людей; за это царь посадил их за решетку» [1, с. 109]. М.Ю. Ашенбреннер вспоминал свою встречу с декабристом М.И. Муравьевым-Апостолом, утверждая, что «мне так хотелось сказать ему о любви и почтении военной молодежи к нему и его друзьям» [4, с. 22–24].

Серьезное значение для радикализации сознания будущих народников имело осмысление ими радикализма 60-х годов. Этой темы касаются 40% авторов воспоминаний. Так, С.Л. Чудновский называет покушение Д.М. Каракозова 16 апреля 1866 года на жизнь императора Александра II важным фактором радикализации молодежи, представлявшим собою ответ на усиление реакции со стороны власти [53, с. 283]. Н.К. Буха уже в детстве волновал вопрос: «Каракозова повесили. За что? За то, что он стрелял в царя. Но за что, за что же он стрелял в царя?» Это стало одним из факторов, побудивших его к осмыслению окружающей действительности в радикальном ключе [1, с. 36]. А.К. Кузнецов утверждал, что «каракозовский выстрел... сделал большую брешь в нашей психологии... он был тем же толчком, способствовавшим косвенным путем создания нечаевского общества, как затем нечаевский публичный процесс создал у многих молодых людей новое мирозерцание в области политических вопросов» [1, с.

129]. Мы здесь согласны с Кузнецовым в его оценке влияния покушения Каракозова на радикализацию той самой части молодежи – он создал своего рода иллюзию вседозволенности в мышлении некоторых представителей молодежи, показав пример радикального экстремизма на практике.

Еще одно важное событие революционного движения 60-х годов – деятельность С.Г. Нечаева и его кружка «Народная расправа», а также публично освещавшийся нечаевский процесс как итог следствия по делу об убийстве Нечаевым несогласного с ним члена кружка И. Иванова. Он оказал серьезное воздействие на мировоззрение будущих народников, что отразилось в особенностях революционной деятельности народнических кружков 70-х гг. Судя по воспоминаниям, воздействие это было двойственным: с одной стороны, заметно восхищение самим фактом создания и деятельности целой революционной организации, с другой – отвращение к методам работы нечаевского кружка и аморальным свойствам личности самого Нечаева. Именно такая оценка и дается в мемуарах. Например, В.К. Дебагорий-Мокриевич так вспоминает это: «Поведение Нечаева... обманывавшего своих товарищей, осуждалось нами... Но к участи нечаевцев мы отнеслись сочувственно» [1, с. 59]. П.Б. Аксельрод высказывал схожие мысли, признавая общность целей Лассаля и Нечаева, но противопоставлял «интеллектуальную силу и гениальность» Лассаля и «темную, грубую, варварскую силу Нечаева» [2, с. 74]. Подобное же отношение имело подавляющее большинство будущих народников, что нашло отражение в особенностях деятельности кружков 70-х. Например, «чайковец» Н.А. Чарушин писал об убежденности народников в том, чтобы «ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской», и отмечал, что кружок «чайковцев» был основан «по типу, совершенно противоположному нечаевской организации», на принципах равенства и взаимного доверия между членами кружка [51, с. 101]. Лишь единицы оправдывали Нечаева [46, с. 36, 39].

Выше нами были перечислены основные упомянутые в воспоминаниях факторы окружавшей будущих революционеров социально-исторической реальности, оказавшие влияние на радикализацию их убеждений. Но они стали лишь своего рода фоном для обретения радикально настроенной частью молодежи революционного мировоззрения, побудили задуматься над проблемами окружавшего их общества, искать ответы на «проклятые вопросы».

Идейно-философские факторы формирования леворадикального мировоззрения учащейся молодежи 60-х – начала 70-х годов

Будущие участники революционно-народнического движения испытали на себе достаточно широкий спектр влияния разнообразных философских, научных и революционно-социалистических идей.

Многие из них – например, «чайковец» Н.А. Морозов – еще с детства, еще в подростковом возрасте мучились вопросами: «Как начался окружающий меня мир? Чем он кончится? В чем сущность человеческого сознания?» [27, с. 34]. Разные группы будущих революционеров изначально по-разному стремились ответить на этот вопрос.

Так, для части революционной молодежи в раннем возрасте была характерна религиозность, о чем упоминает треть авторов мемуаров. Большинство будущих народников родились в православных семьях, небольшая часть – в иудейских, судя национальному составу движения [15, с. 41]. Впрочем, религиозность эта была разной по своему характеру. Некоторые авторы воспоминаний были действительно глубоко религиозными. М.Ф. Фроленко отмечал, что его глубоко впечатлили евангельские изречения «положи душу свою за други своя» и «блаженны изгнанные правды ради» [48, с. 17], О.В. Аптекман в детстве «полюбил Библию от всего сердца» и в дальнейшем даже совмещал «реально-социалистическое мировоззрение с евангельским христианским» [1, с. 19]. В.И. Засулич в детстве вдохновлялась теми же идеалами самоотречения [16, с. 15–16], равно как и Н.А. Головина-Юргенсон [1, с. 50], что очевидно уже предопределило их склонность к усвоению народнических идей. В то же время в мемуарах много упоминаний о формальной религиозности в детстве. Например, об этом свидетельствуют М.П. Сажин [1, с. 50], А.И. Корнилова-Мороз [1, с. 114], А.В. Прибылев [1, с. 187] и

целый ряд других авторов. В большей части мемуаров вообще не упоминается данный аспект, то есть многие из их авторов изначально не были религиозны в традиционном понимании этого слова.

В зрелом возрасте большая часть народников, за редким исключением, называли себя убежденными атеистами. Здесь следует отметить влияние идей некоторых естествоиспытателей того времени, об изучении трудов которых упоминают чуть более 40% авторов. В частности, в мемуарах перечисляются труды Л. Бюхнера, К. Фогта, Я. Молешотта, Ч. Дарвина, И.М. Сеченова, Д.И. Менделеева, И. Циммермана. Так, все та же Головина-Юргенсон пишет, что после знакомства с ними «от всего религиозного настроения не осталось камня на камне», аналогичные сведения приводит и Г.В. Чернявская-Бохановская, испытавшая «религиозный кризис» по той же причине [1, с. 50, 305]. А.И. Корнилова-Мороз, рассказывая о подобном же, утверждает, что эти идеи не унижали «нравственной высоты учения Христа, а обаятельность его личности как мученика за идею любви к человечеству подготовляла к страданию за великое дело любви» [1, с. 118]. Таким образом, основной вектор влияния подобных работ на сознание будущих народников – формирование материалистического мировоззрения, что достаточно емко выразил Кравчинский: «Материализм стал господствующей религией образованного класса» [40, с. 369]. Однако несмотря на это заметна симпатия народников к христианской этике – ценностям альтруизма, аскетизма, самоотречения [40, с. 380–381].

Серьезное воздействие на взгляды будущих народников оказали идеи нигилизма, также получившие распространение в России в 60-е годы XIX века во многом в связи с публицистической деятельностью литературного критика Д.И. Писарева [55]. Об увлечении нигилизмом в той или иной форме упоминают половина авторов изученных нами воспоминаний, что говорит о высокой степени влияния этого идейного течения на умы молодежи. Идеология нигилизма в данном историческом контексте имеет непосредственную связь с романом И.С. Тургенева «Отцы и дети», главный герой которого – Базаров – и стал прототипом «нового человека». Отношение к Базарову уже тогда было неоднозначным. Писарев в своих статьях проводил всяческую апологетику данного персонажа, оценивая его как глубоко образованного человека, атеиста, позитивиста в философском отношении, превозносящего естественные науки и стремящегося к максимальной независимости личности (общественной, интеллектуальной, духовной), а также отвергающего в принципе возможность глобального изменения общества к лучшему, признающего свою способность лишь локально улучшить окружающую действительность в том случае, если это не противоречит его интересам [30, с. 375–394].

Анализ воспоминаний показывает, что нигилистические идеи Писарева оказали серьезное влияние на радикализацию сознания учащейся молодежи. Это выражалось в нескольких явлениях, чему есть и конкретные примеры. Прежде всего увлечение молодежи нигилизмом выражалось в их стремлении противопоставить себя семье, системе образования и обществу в целом. Так, В.И. Чуйко вспоминает, что именно сочинения Писарева «перевернули в наших головах все вверх дном» и сделали его с товарищами «протестантами против гимназического режима», а также побудили начать чтение нелегальной литературы [1, с. 317]. Подобную же историю упоминает и А.В. Якимова, рассказывая про выпускной экзамен по Закону Божию в женском училище, который принимал архиерей, разгневанный «нигилистками», которые вместо «чинного поклона» предпочли легонько кивнуть ему головой в знак приветствия, что уже достаточно ярко говорило об их отношении к традиционной религиозности [1, с. 327]. Также упоминается о моде на специфическую для XIX века внешность среди увлеченной нигилизмом молодежи (красные рубахи, синие очки, короткие стрижки у девушек, отращивание бороды юношами), что позволяет идентифицировать нигилизм как своего рода субкультуру [1, с. 116, 119, 226,]. У многих представительниц радикальной русской молодежи именно под влиянием нигилизма появилось стремление к эмансипации. А.И. Корнилова-Мороз, рассказывая о влиянии идей Писарева на свою семью, выделяет в движении нигилизма не только «стремление к полному освобождению личности от ига семьи, невежества, традиций и религиозных предрассудков», но и стремление девушек к финансовой независимости [1, с. 116–117]. Она восхищается личностями своих знакомых – Е. Макаровой, Н. Скворцовой, О. Шлейсер, устроившихся

на государственную службу. Помимо того она связывает распространение идей нигилизма с желанием девушек получить образование в университете или на женских высших Аларчинских медицинских курсах [1, с. 118]. Аналогичного же мнения придерживается и В.Н. Фигнер, отмечая, что знакомство с идеологией нигилизма внушило ей «уважение к науке, знанию и стремление к общественности и общественной деятельности», апогеем чего и стало ее поступление в университет Цюриха [47, с. 87–88]. А именно там она уже познакомилась и с более радикальными идеями, как и многие другие ее товарки [47, с. 104; 41, с. 377–378].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главным содержанием нигилизма в понимании учащейся молодежи 60-х – первой половины 70-х годов было стремление к личностной, профессиональной и интеллектуальной независимости, к саморазвитию и изучению наук. Вместе с тем в исторической реальности пореформенной России подобное также являлось фактором радикализации сознания будущих революционеров – нигилизм фактически заставлял их разрывать связи с семьями, ближайшим окружением, способствовал росту протестных настроений среди молодежи, разрушал традиционалистскую картину мира, подготавливая тем самым почву для принятия более радикальных идей. Тем не менее следует отметить, что часть идей нигилизма не была принята будущими народниками. Так, Л.Э. Шишко заключает: «эта теория правильно понятой личной выгоды, вполне достаточная для устройства личного счастья», не была воспринята народнической молодежью [54, с. 55]. Подтверждением тому является вся история будущего движения полная жертв со стороны его участников.

Достаточно серьезную роль в радикализации мировоззрения исследуемой нами части учащейся молодежи играло изучение трудов зарубежных философов, экономистов и социалистов. Рассмотрим наиболее часто упоминаемые имена.

Прежде всего следует отметить работы философов-позитивистов О. Конта, Д. Милля, Г. Спенсера, бывших особенно популярными среди народников, знакомство с которыми упоминается 45% авторов. Популярность позитивизма в подобной среде объясняется концентрацией последнего на сциентизме и отрицании всякого философского идеализма. В контексте увлечения народниками идеологией нигилизма последнее звучит вполне логично. Н.А. Головина-Юргенсон, в частности, упоминала, что «удалось подвести философский фундамент под свое антирелигиозное отношение к жизни» именно после ознакомления с трудами указанных философов [1, с. 50], А.П. Прибылева-Корба считала, что изучение труда Милля «Логика» способствовало развитию ее рационального мышления [1, с. 202], аналогичное влияние позитивизма на себя отмечал Д.А. Клеменц [19, с. 115–116]. В нескольких кружках саморазвития работы позитивистов входили в список обязательной к ознакомлению литературы. В частности, о подобном упоминают и «чайковец» Н.А. Чарушин, и самарский народник Н.К. Бух, и В.Н. Фигнер, рассказывая о кружке русских студенток в Цюрихе [7, с. 24; 47, с. 149; 51, с. 47].

Исследуя тему формирования мировоззрения революционной молодежи 70-х годов XIX века, нельзя не отметить и значительное влияние теоретиков утопического социализма – Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна, Л. Блана, П. Прудона, Ф. Лассалья, Г. Бокля. Об изучении их трудов упоминают 45% авторов. Роль этих работ в формировании мировоззрения народнической молодежи достаточно очевидна – в них излагались основные принципы социализма в доступной форме, что и делало их популярными, о чем упоминается в ряде воспоминаний. Например, В.К. Дебагорий-Мокриевич отмечал, что именно из работ социалистов-утопистов черпались «аргументы в пользу наших народнических воззрений», а С.Л. Перовская и А.И. Корнилова считали «целесообразным изучить сначала основы политической экономии в доступном изложении», а потом уже перейти к изучению «Капитала» К. Маркса, который «одолеть и понять... многим было трудно», что имеет под собой веские основания – лишь треть авторов воспоминаний упоминают о влиянии «Капитала» Маркса на свое мировоззрение, причем среди них встречаются упоминания и неудачных попыток прочитать и понять «Капитал» [1, с. 174, 256; 2, с. 72]. Для тех же, кто его все-таки осилил, роль труда Маркса в процессе развития их радикальных взглядов была практически идентична роли западных социалистов-утопистов – ознакомление с социалистической идеологией и политэкономией в общих чертах [1, с. 191, 202].

Сильнейшее идейное влияние на радикально настроенную молодежь 60–70-х годов, согласно анализу мемуаров, оказывали произведения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и Н.А. Некрасова. Подавляющее большинство (75%) авторов указали на этих литературных критиков как на тех, кто в наивысшей степени способствовал радикализации их взглядов. Мы объединили их в одну категорию по причине крайней схожести их общественно-политических взглядов [37, с. 26–51; 52, с. 742–754] и продолжительной совместной публицистической деятельности в журнале «Современник», перечитываемый народниками «от доски до доски» [7, с. 39]. Для значительной части будущих народников именно Н.Г. Чернышевский стал учителем жизни. Например, М.П. Сажин, купив все номера «Современника» за пару лет, отмечал решающую роль Н.Г. Чернышевского в становлении своего мировоззрения [34, с. 13–14]. Подобное утверждается многими мемуаристами, например, «самарец» Н.К. Бух и «чайковец» Чарушин вспоминали, что именно Чернышевского члены их кружков считали «учителем социализма» [7, с. 39–41; 51, с. 47]. Также, например, П.Б. Аксельрода рабочие называли «апостолом Чернышевского», потому что на работу последнего в ходе пропаганды опиралось киевское отделение кружка «чайковцев» [2, с. 98]. Свое влияние на умы молодежи Н.Г. Чернышевский оказывал как статьями из «Современника», так и посредством своего знаменитого романа «Что делать?», а его герой Рахметов, по сути дела, стал первым литературным прототипом народника-пропагандиста 70-х годов. По воспоминаниям Н.А. Чарушина, «образ Рахметова врезался в нашу память... поощряя нас на решительный шаг» [51, с. 31–32]. В.К. Дебагорий-Мокриевич и Н.В. Васильев называли Рахметова своим кумиром, который окончательно склонил их пойти «в народ» [8, с. 13; 10, с. 59]. Таким образом, именно Н.Г. Чернышевский сыграл ключевую роль в зарождении у будущих революционеров желания отречься от всей своей будничности и пойти «в народ», став идейным вождем целого поколения.

Практически аналогичное влияние оказал на будущих революционеров коллега Чернышевского по «Современнику» Н.А. Добролюбов, чья фамилия в мемуарах практически всегда стоит рядом с фамилией Чернышевского. Уже одно это косвенно подтверждает практически полную тождественность их роли в радикализации сознания молодежи, равно как и сходство их исторических взглядов [36, с. 26–51]. Его статьи из «Современника» весьма органично вписывались в «программу» чтения революционной молодежи 70-х годов [12]. О схожем восприятии его идей народнической молодежью свидетельствует, например, трактат нижегородского народника А.И. Ливанова «Что делать?», призывающий «уверовать, говоря словами нашего великого учителя Н.А. Добролюбова, что в народе лежат задатки великого будущего, что в нем лежит несокрушимая сила». Ливанов считал, что для пробуждения этой силы нужно «идти в среду народа для пропаганды и организации... и самое удобное положение для сближения с народом – положение мускульного работника» [5, с. 137].

Сопоставимую роль в радикализации сознания будущих революционеров-народников играл и знаменитый русский поэт – редактор «Современника» Н.А. Некрасов, который также упоминается в подавляющем большинстве изученных нами воспоминаний наряду с Чернышевским и Добролюбовым. В его знаменитых поэмах в образной форме осмысляется социально-политическая реальность пореформенной России, включая тяжелое положение крестьянства после 1861 года, а также ужесточение цензуры в конце 60-х годов [13; 333–381]. Как правило, с Некрасовым будущие народники знакомились еще на гимназической скамье. Типичный пример подобного знакомства приводит Н.М. Салова: «Некрасов – наш кумир, наш учитель; его стихотворения мы заучиваем наизусть... по стихотворениям Некрасова... интересуемся декабристами» [1, с. 213]. Н.А. Головина-Юргенсон уже в 8 лет первый том Некрасова знала «почти наизусть» [1, с. 50]. Л.Г. Дейч отмечал, что Некрасов был одним из тех, благодаря кому он стал считать себя русским и задумываться о положении народа [1, с. 67]. А.В. Прибылев ценил Некрасова «с его захватывающими в описании народной скорби поэмами и стихами» [1, с. 190]. Роль Некрасова в радикализации сознания молодежи благодаря содержанию его произведений очевидна – молодежь, читая про непростую судьбу крестьянина, усваивала негативное отношение к окружающей социально-исторической действительности.

Следует отметить, что весьма схожую с Некрасовым роль в деле радикализации сознания молодежи имел В.В. Берви-Флеровский. Его работы «Положение рабочего класса», «Азбука социальных наук» рисовали, согласно Чарушину, «яркую картину безотрадной жизни нашего рабочего, в большинстве своем только что выброшенного из разорявшейся деревни и нашедшего приют и скудное пропитание на фабрике и заводе» [51, с. 103]. Аптекман отмечал его роль в развитии у молодежи понимания противоречивого характера реформы 1861 года [3, с. 128]. В целом около 23% авторов мемуаров сообщали о влиянии его идей на свое мировоззрение. Таким образом, Флеровский в этом отношении фактически дополнял Некрасова. Наиболее близок Флеровский был к кружку «чайковцев», тесно сотрудничал с ним в его издательской деятельности [3, с. 130–132].

Идеи и сочинения А.И. Герцена оказывали меньшее влияние на мировоззрение авторов воспоминаний, только четверть из них упомянули про воздействие Герцена на свои взгляды. Подобное можно объяснить как эмигрантским положением журнала «Колокол», что снижало вероятность его прочтения мемуаристом (по сравнению с легальным до 1866 года «Современником»), так и наличием идеологических разногласий Герцена с Чернышевским – кумиром радикальной молодежи, – сутью которых являлось неприятие Герценом радикализма Чернышевского и вера в возможность постепенного прихода к социализму [22, с. 19], что уже не очень должно было импонировать желавшим по заветам Некрасова уйти в «стан погибающих за великое дело любви». Некоторые будущие народники, однако, его за это и оценили, например, основатель умеренного кружка «лавристов» Н.Г. Кулябко-Корецкий, выделявший главенствующую роль именно Герцена в формировании своих взглядов [23, с. 18]. В целом увлечение Герценом характерно прежде всего для тех представителей будущего народничества, которые родились еще в первой половине 40-х годов. Например, Кропоткин до определенного момента считал его одним из главных своих учителей [21, с. 153]. Что касается поколения, родившегося в 50-х, то здесь знакомство с Герценом было скорее ситуативным. Например, А.Ф. Михайлов, вспоминая учебу в пансионе, отмечает, что именно «Полярная звезда» стала первой подобной литературой для него, потому что о существовании другой он до определенного момента не знал [1, с. 141]. Похожую историю рассказывает и Г.Ф. Чернявская-Бохановская: «Родители мои были люди гуманные, затронутые новыми веяниями, читали “Полярную Звезду” и “Колокол”» [1, с. 303]. Таким образом, А.И. Герцена, в отличие от Н.Г. Чернышевского, отнюдь нельзя назвать властителем дум радикально настроенной молодежи 70-х годов. Но не следует забывать, что именно он на страницах «Колокола» впервые в истории бросил клич «В народ!».

Финальным аккордом для будущих революционеров в деле формирования леворадикальных взглядов стало знакомство с идеями П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и в гораздо меньшей степени – П.Н. Ткачева. Не ставя задачи изучения их влияния на идеологию народничества, теоретические установки и практическую деятельность кружков, кратко осветим восприятие их идей радикальной молодежью. П.Л. Лавров, написав свои «Исторические письма», о влиянии которых на развитие у себя леворадикальных взглядов упоминают 45% авторов, стал одним из главных кумиров радикально настроенной молодежи того времени. По сути дела, он развил далее идеи Чернышевского и обосновал идею нравственного долга интеллигенции и молодежи перед народом и исходящую из нее необходимость постоянного саморазвития с целью последующего просвещения этого самого народа (что необходимо для социальных перемен), что и вызвало настолько теплый отклик у соответствующей части молодежи [1 с. 273; 3, с. 129; 23, с. 24; 24, с. 28; 25, с. 5]. Примерно у трети мемуаристов отклик нашли идеи теоретика анархизма М.А. Бакунина, что мы связываем с изначальным несогласием их сторонников с «лавристовской» умеренной программой, а также со сложными для восприятия текстами Лаврова, контрастировавшими с экспрессией «Государственности и анархии» Бакунина, энергетикой его личности или же изначальной симпатией к анархизму и концепции всеобщего бунта, что также отмечают некоторые авторы воспоминаний [1, с. 51, 60, 68, 99]. Влияние бланкизма было крайне низким – не более 5%, – что объясняется уже рассмотренной выше антипатией мемуаристов к «нечаевщине».

Заключение

Таким образом, радикализация сознания учащейся молодежи в Российской империи 60-х – первой половины 70-х годов была обусловлена целым комплексом факторов, связанных как с восприятием будущими участниками революционного движения социальной реальности пореформенной России, так и с усвоением ими целого комплекса философских, научных и радикальных социалистических идей. Среди первой группы наибольшее влияние на процесс радикализации сознания молодежи оказало наблюдение будущими революционерами в юности за тяжелым положением крестьянства, вызвавшее критическое отношение к окружавшей социальной реальности, а также реакционная политика правительства Александра II в сфере образования, усиливавшая их протестные настроения. Также большую роль сыграло наблюдение за резонансными историческими событиями внутри и за пределами России, повлиявшими на их мировоззрение. Среди второй группы факторов наибольшее влияние на радикализацию сознания будущих революционеров оказали идеи Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, а также идеология нигилизма, философия позитивизма и труды западных социалистов-утопистов, в совокупности и сформировавшие у них леворадикальное мировоззрение.

Библиография

1. Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов // Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 15–344.
2. Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное: Книга первая. Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1923. 444 с.
3. Аптекман О.В. Флеровский-Берви и чайковцы // Былое. 1922. № 19. С. 119–135.
4. Ашенбреннер М.Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904 гг.). М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 200 с.
5. Базанов В.Г. Александр Ливанов и его трактат «Что делать?» // Русская литература. 1963. № 3. С. 109–138.
6. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М.: М. и С. Сабашниковы, 1912. 384 с.
7. Бух Н.К. Воспоминания. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 200 с.
8. Васильев Н.В. В семидесятые годы. М.: Молодая гвардия. 1931. 125 с.
9. Гольденберг Л.Б. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 90–105.
10. Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. Книга I. М.: Молодая гвардия, 1930. 420 с.
11. Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Paris: Imprimerie J. Allemane, 1894. 521 с.
12. Жданов В.В. Добролюбов Николай Александрович // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 8: Дебитор–Евкалипт. С. 375–376.
13. Жданов В.В. Некрасов Николай Алексеевич // Расцвет реализма: История русской литературы. Т. 3. Л.: АН СССР, 1982. С. 333–382.
14. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 386 с.
15. Записка М.М. Меркулова о пропагандистах 70-х годов // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 25–56.
16. Засулич В.И. Воспоминания. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 158 с.
17. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965. 443 с.

18. Итенберг Б.С. Парижская коммуна и Россия. М.: Наука, 1971. 202 с.
19. Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л.: Колос, 1925. 180 с.
20. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Т. 3. М.: М. и С. Сабашниковы, 1918. 331 с.
21. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
22. Кузьмин А.Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х гг. XIX в.: Дисс. канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 234 с.
23. Кулябко-Корецкий Н.Г. Из давних лет: воспоминания лавриста. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 130 с.
24. Лойко Л.П. От «Земли и воли» к ВКП(б), 1877–1928: Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1929. 248 с.
25. Лукашевич. В народ! (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 2–44.
26. Михайловский Н.К. Идеализм, идолопоклонство и реализм // Полное собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 4. СПб., 1894. С. 31–70.
27. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М.: Наука, 1965. 447 с.
28. Некрасов Николай Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 40. СПб.: Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1897. С. 857–861.
29. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский вопрос в 1866–1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 22–33.
30. Писарев Д.И. Сочинения: полное собрание в 6-ти томах. Т. 2. СПб., 1894. 616 с.
31. Попов М.Р. Записки землевольца. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 513 с.
32. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: Наука, 1989. 725 с.
33. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Ч. 4. СПб.: Типография доктора М.А. Хана, 1884. С. 1–7.
34. Сажин М.П. Воспоминания. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. 144 с.
35. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 174 с.
36. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М.: Мысль, 1966. 364 с.
37. Сладкевич Н. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова // Вопросы филологии. 1949. № 2. С. 26–51.
38. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М.: Издание С.П. Катковой, 1897–1898. 851 с.
39. Степаненкова З.В. Общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского в проблемном поле интеллектуальной истории: Дисс. канд. истор. наук. Омск: Омский государственный педагогический университет, 2014. 258 с.
40. Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 669 с.
41. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М.: Мысль, 1965. 407 с.
42. Тебиев Б., Кулина С. Гражданином быть обязан (из истории российского студенчества). Часть третья // Высшее образование в России. 2005. № 9. С. 151–156.
43. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.

44. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. 372 с.
45. Университетский устав 18 июня 1863 г. // [Электронный ресурс]: <http://letopis.msu.ru/documents/2760> (дата обращения: 21.02.2021).
46. Успенская А. Воспоминания шестидесятицы // Былое. 1922. № 18. С. 19–43.
47. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. 439 с.
48. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. 339 с.
49. Фэй Х. Федеративные идеи в политической теории русского народничества (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев). СПб.: Алетейя, 2018. 231 с.
50. Худолеев А.Н. Революционная теория П.Н. Ткачева и его роль в русском освободительном движении (историографический аспект): Дисс. докт. истор. наук. Томск: Кемеровский государственный университет, 2012. 486 с.
51. Чарушин Н.А. О далеком прошлом: из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М.: Мысль, 1973. 408 с.
52. Чернышевский Н.Г. Заметки о Некрасове // Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1939. С. 742–754.
53. Чудновский С.Л. Из дальних лет (отрывки из воспоминаний) // Былое. 1907. № 8/20. С. 218–240.
54. Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. Пг.: Государственное издательство, 1921. 91 с.
55. Щербаков В.И. Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 415 с.
56. Hingley R. Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexandre II (1855–1881). London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. 128 p.
57. Lampert E. Sons against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1971. 405 p.
58. Venturi F. Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p.

Чистяков Сергей Владимирович. Аспирант, кафедра истории России XIX века – начала XX века, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». Специальность 07.00.02 «Отечественная история». E-mail: taharalrik@gmail.com

**RADICALIZATION OF THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG STUDENTS IN THE
RUSSIAN EMPIRE OF THE 60S – FIRST HALF OF THE 70S OF THE 19TH CENTURY
(ACCORDING TO THE MEMOIRS OF MEMBERS OF THE REVOLUTIONARY
POPULISM MOVEMENT)**

DOI: 10.25629/HC.2021.02.05

Chistiakov S.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article is devoted to the study of radicalization of consciousness of students of the Russian Empire in the 60s – first half of the 70s on the example of the formation of the worldview of the participants of the revolutionary narodnik movement. The article analyzes the formation of the left-radical worldview of a part of the Russian youth, which will later take part in the movement of revolutionary populism, highlights the socio-historical and ideological-philosophical factors that led to the radicalization of its worldview, and also analyzes the role of these factors in this process.

Keywords: radicalization of consciousness, revolutionary populism, populists, students, socialism, nihilism, Chernyshevsky, Pisarev, Lavrov, Bakunin, Alexander II, peasant reform, post-reform Russia.

References

1. Avtobiografii revolyutsionnykh deyatelei russkogo sotsialisticheskogo dvizheniya 70–80-kh godov [Autobiographies of the revolutionary leaders of the Russian socialist movement in the 70s and 80s]. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. P. 15–344.
2. Aksel'rod P.B. *Perezhitoe i peredumannoe: Kniga pervaya* [Experienced and Change of Mind: Book One]. Berlin: Z.I. Grzhebin Publ., 1923. 444 p.
3. Aptekman O.V., Flerovskii-Bervi i chaikovtsy [Flerovsky-Bervy and tchaikovtsy]. *Byloe*. 1922. No 19. P. 119–135.
4. Ashenbrenner M.Yu. *Voennaya organizatsiya "Narodnoi voli" i drugie vospominaniya (1860–1904 gg.)* [Military organization "Narodnaya Volya" and other memoirs (1860–1904)]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. 1924. 200 p.
5. Bazanov V.G. Aleksandr Livanov i ego traktat "Chto delat'?" [Alexander Livanov and his treatise "What is to be done?"]. *Russkaya literatura*. 1963. No 3. P. 109–138.
6. Bogucharskii V.Ya. *Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active populism of the seventies]. Moscow: M. & S. Sabashnikov, 1912. 384 p.
7. Bukh N.K. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1928. 200 p.
8. Vasil'ev N.V. *V semidesyatykh gody* [In the seventies]. Moscow: Molodaya gvardiya. 1931. 125 p.
9. Gol'denberg L.B. *Vospominaniya* [Memories]. *Katorga i ssylka*. 1923. No 7. P. 90–105.
10. Debagorii-Mokrievich V.K. *Ot buntarstva k terrorizmu. Kniga I* [From rebellion to terrorism. Book I]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1930. 420 p.
11. Debagorii-Mokrievich V.K. *Vospominaniya* [Memories]. Paris: Imprimerie J. Allemane, 1894. 521 p.
12. Zhdanov V.V. Dobrolyubov Nikolai Aleksandrovich. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Dobrolyubov Nikolai Alexandrovich. *Great Soviet Encyclopedia*]. In 30 vol. Prokhorov A.M. (ed.). 3 ed. Moscow: *Sovetskaya entsiklopediya*, 1972. Vol. 8. P. 375–376.
13. Zhdanov V.V. Nekrasov Nikolai Alekseevich. *Rastsvet realizma: Istoriya russkoi literatury* [Nekrasov Nikolai Alekseevich. *The Rise of Realism: The History of Russian Literature*]. Vol. 3. Leningrad.: AN SSSR. 1982. P. 333–382.

14. Zaionchkovskii P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 386 p.
15. Zapiska M.M. Merkulova o propagandistakh 70-kh godov [Note by M.M. Merkulova on the propagandists of the 70s]. *Katorga i ssylka*. 1928. No 1. P. 25–56.
16. Zasluch V.I. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1931. 158 p.
17. Itenberg B.S. *Dvizhenie revolyutsionnogo narodnichestva: Narodnicheskie kruzhki i "khozhdenie v narod" v 70-kh godakh XIX v.* [The movement of revolutionary populism: Narodnik circles and "going to the people" in the 70s of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1965. 443 p.
18. Itenberg B.S. *Parizhskaya kommuna i Rossiya* [Paris Commune and Russia]. Moscow: Nauka, 1971. 202 p.
19. Klements D.A. *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the past. Memories]. Leningrad: Kolos, 1925. 180 p.
20. Kornilov A.A. *Kurs istorii Rossii XIX veka* [19th century Russian history course]. Vol. 3. Moscow: M. & S. Sabashnikov, 1918. 331 p.
21. Kropotkin P.A. *Zapiski revolyutsionera* [Revolutionary Notes]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988. 544 p.
22. Kuz'min A.G. *Levoradikal'naya politicheskaya mysl' v Rossii kontsa 60-kh – nachala 80-kh gg. XIX v.: Diss. kand. polit. nauk* [Left-wing radical political thought in Russia in the late 60s - early 80s. XIX century. Dis. cand. polit. sci.]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 2003. 234 p.
23. Kulyabko-Koretskii N.G. *Iz davnikh let: vospominaniya lavrista* [From Ancient Times: Memories of Lavrist]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1931. 130 p.
24. Loiko L.P. *Ot "Zemli i voli" k VKP(b), 1877–1928: Vospominaniya* [From "Land and Freedom" to the CPSU (b), 1877-1928: Memoirs]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1929. 248 p.
25. Lukashovich. *V narod! (Iz vospominanii semidesyatnika)* [To the people! (From the memories of the seventies)]. *Byloe*. 1907. No 3. P. 2–44.
26. Mikhailovskii N.K. *Idealizm, idolopoklonstvo i realism. Polnoe sobranie sochinenii v 6-ti tomakh* [Idealism, Idolatry and Realism. Complete Works in 6 Volumes]. Vol. 4. St. Petersburg, 1894. P. 31–70.
27. Morozov N.A. *Povesti moei zhizni* [The stories of my life]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1965. 447 p.
28. Nekrasov Nikolai Alekseevich. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Nekrasov Nikolai Alekseevich. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. In 86 vol. V. 40. St. Petersburg: Joint-stock publishing company F.A. Brockhaus - I.A. Efron, 1897. P. 857–861.
29. Novikov M.V., Perfilova T.B. [The university question in 1866-1884]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2014. No 1. P. 22–33. In Rus.
30. Pisarev D.I. *Sochineniya: polnoe sobranie v 6-ti tomakh* [Works: complete collection in 6 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg, 1894. 616 p.
31. Popov M.R. *Zapiski zemlevoit'sa* [Land Owner's Notes]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1933. 513 p.
32. *Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from birth to the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka, 1989. 725 p.
33. *Sbornik deistvuyushchikh postanovlenii i rasporyazhenii po zhenskim gimnaziyam i pro-gimnaziyam Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [A collection of current decrees and orders for female gymnasiums and pro-gymnasiums of the Ministry of Public Education]. Part 4. St. Petersburg: Printing house of Dr. M.A. Hana, 1884, pp. 1–7.
34. Sazhin M.P. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1925. 144 p.

35. Saprykin D.L. *Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi imperii* [The educational potential of the Russian Empire]. Moscow: Institute of History and Technology RAS. 2009. 174 p.
36. Sedov M.G. *Geroicheskiy period revolyutsionnogo narodnichestva* [The heroic period of revolutionary populism]. Moscow: Mysl', 1966. 364 p.
37. Sladkevich N. [Historical views of Chernyshevsky and Dobrolyubov]. *Voprosy filosofii*. 1949. No 2. P. 26–51. In Rus.
38. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei"* [Collection of leading articles of "Moskovskiye vedomosti"]. Moscow: Edition of S.P. Katkova, 1897-1898. 851 p.
39. Stepanenkova Z.V. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady V.V. Bervi-Flerovskogo v problemnom pole intellektual'noi istorii: Diss. kand. istor. nauk* [Social and political views of V.V. Bervi-Flerovsky in the problematic field of intellectual history. Dis. cand. hist. sci.]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2014. 258 p.
40. Stepyak-Kravchinskii S.M. *Podpol'naya Rossiya* [Underground Russia]. Works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: State publishing house of fiction, 1958. 669 p.
41. Stepyak-Kravchinskii S.M. *Rossiya pod vlast'yu tsarei* [Russia under the rule of tsars]. Moscow: Mysl', 1965. 407 p.
42. Tebiev B., Kulina S. *Grazhdaninom byt' obyazan (iz istorii rossiiskogo studenche-stva). Chast' tret'ya* [Must be a citizen (from the history of Russian students). Part three]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2005. No 9. P. 151–156.
43. Troitskii N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady (Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The first of the brilliant constellation (the Great Propaganda Society 1871-1874)]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1991. 312 p.
44. Troitskii N.A. *Krestonostsy sotsializma* [The crusaders of socialism]. Saratov: Saratov University Press, 2002. 372 p.
45. *Universitetskii ustav 18 iyunya 1863 g.* [University Charter June 18, 1863]. URL: <http://le-topis.msu.ru/documents/2760> (accessed: 21.02.2021).
46. Uspenskaya A. *Vospominaniya shestidesyatnitsy* [Memories of the sixties]. *Byloe*. 1922. No 18. P. 19–43.
47. Figner V.N. *Zapechatlennyy trud. Vospominaniya* [Captured work. Memoirs] In 2 volumes. V. 1. Moscow: Mysl', 1964. 439 p.
48. Frolenko M.F. *Zapiski semidesyatnika* [Notes of the Seventies]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles, 1927. 339 p.
49. Fei Kh. *Federativnye idei v politicheskoi teorii russkogo narodnichestva (A.I. Ger-tsen, M.A. Bakunin, P.L. Lavrov, P.N. Tkachev)* [Federative ideas in the political theory of Russian populism (A.I. Herzen, M.A. Bakunin, P.L. Lavrov, P.N. Tkachev)]. St. Petersburg: Aleteiya, 2018. 231 p.
50. Khudoleev A.N. *Revolyutsionnaya teoriya P.N. Tkacheva i ego rol' v russkom osvoboditel'nom dvizhenii (istoriograficheskii aspekt): Diss. dokt. istor. nauk* [The revolutionary theory of P.N. Tkacheva and his role in the Russian liberation movement (historical-riographic aspect): Diss. doct. history. sci.]. Tomsk: Kemerovo State University, 2012. 486 p.
51. Charushin N.A. *O dalekom proshlom: iz vospominanii o revolyutsionnom dvizhenii 1870-kh gg.* [About the distant past: from the memories of the revolutionary movement of the 1870s.] Moscow: Mysl', 1973. 408 p.
52. Chernyshevskii N.G. *Zametki o Nekrasove. Polnoe sobranie sochinenii* [Notes on Nekrasov. Complete Works]. In 15 vol. V. 1. Moscow: Goslitizdat, 1939. P. 742–754.
53. Chudnovskii S.L. *Iz dal'nikh let (otryvki iz vospominanii)* [From distant years (excerpts from memories)]. *Byloe*. 1907. No 8/20. P. 218–240.

54. Shishko L.E. *Obshchestvennoe dvizhenie v shestidesyatykh i pervoi polovine semidesyatykh godov* [Social movement in the sixties and first half of the seventies]. Petrograd: State Publishing House, 1921. 91 p.

55. Shcherbakov V.I. *D.I. Pisarev i literatura epokhi nigilizma* [D.I. Pisarev and literature of the era of nihilism]. Moscow: IMLI RAN, 2016. 415 p.

56. Hingley R. *Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexandre II (1855–1881)*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. 128 p.

57. Lampert E. *Sons against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1971. 405 p.

58. Venturi F. *Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia*. New York: Alfred A. Knopf, 1960. 850 p.

Chistyakov Sergey Vladimirovich. Post-graduate student, Department of Russian History in the 19th century - early 20th century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Specialty 07.00.02 "Domestic history". E-mail: tahar-alrik@gmail.com